

0-775913

На правах рукописи

Афанасьева Лира Аркадьевна

**Терминология похоронно-поминальной обрядности
чувашей и других народов Урало-Поволжья**
(опыт сравнительно-сопоставительного и
этнолингвокультурологического исследования)

10.02.20. – Сравнительно-историческое, типологическое и
сопоставительное языкознание

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Чебоксары 2009

Работа выполнена на кафедре чувашского языкознания и востоковедения им. М.Р. Федотова факультета чувашской филологии и культуры Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова

Научный руководитель - доктор филологических наук
профессор **Сергеев В.И.**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор **Семенова Г.Н.**
кандидат филологических наук
доцент **Андреева Е.А.**

Ведущая организация - Чувашский государственный
институт гуманитарных наук

Защита состоится 6 марта 2009 года в 13⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета Д 212.301.03 при ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» по адресу: 428034, г.Чебоксары, ул. Университетская, д. 38/1, ауд. 434.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова.

Автореферат разослан 5 февраля 2009 г

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

А.М. Иванова

Общая характеристика работы

Диссертационная работа посвящена сравнительно-сопоставительному и этнолингвокультурологическому исследованию терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей. Данная терминология в работе изучается в сравнении с соответствующими единицами других тюркских языков, а также с привлечением подобных материалов из контактировавших на определенных этапах исторического развития с чувашским финно-угорских и других индоевропейских языков.

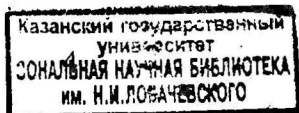
Актуальность исследования. Терминология похоронно-поминальной обрядности (далее ТППО) является одним из источников, позволяющих реконструировать соответствующий обряд, древние воззрения наших предков, поэтому в сравнительно-сопоставительном плане представляет огромный интерес для целого ряда гуманитарных дисциплин – этнолингвистики, этнологии, этнокультурологии, археологии, истории, фольклористики и т. д. В историко-этнологическом аспекте развития культуры похоронно-поминальная обрядность чувашей, в особенности ее терминология, во многом остается еще малоизученной. В связи с этим исследование данного пласта лексики оказывается весьма актуальным и важным.

В условиях постепенной утраты традиционной духовной обрядности первоочередной задачей филологов и этнокультурологов являются неотложная фиксация, систематизация, архивизация и изучение всех доступных артефактов традиционной этнокультуры народов Урало-Поволжья, касающихся, в частности, похоронно-поминальной обрядности. В этом свете чрезвычайно важное место занимает этнокультурная лексика. В силу того, что терминология похоронно-поминальной обрядности отображает историю народа, его культуру, обычаи и традиции, назрела необходимость концептуальной систематизации положений, высказанных в трудах Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского, М.Р. Федотова, В.Г. Егорова и др. Терминология похоронно-поминальной обрядности зафиксирована и в уникальном «Словаре чувашского языка» (*Thesaurus Linguae tschuvaschorum*) Н.И. Ашмарина, который, однако, является далеко не полным сводом ТППО ЧЯ (терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашского языка). Между тем очевидна необходимость выявления

межъязыковых связей, установления истоков возникновения и причин структурно-семантических изменений в ТППО. Назрела насущная потребность рассмотрения развития терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей, татар, башкир, марийцев, удмуртов, мордвы и русских. Наступило время для анализа терминологии ППО ЧЯ в границах истории этноса, для выявления конкретных моментов исторических контактов родственных и неродственных языков. Важно учесть фактор обогащения терминологии ППО ЧЯ и в плане мобилизации внутренних ресурсов языка.

Объектом исследования является вербальный текст похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья на основе лексикографических, архивных источников и полевых материалов, **предметом** – терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья.

Материалами для исследования послужили этнографические, лексикографические и фольклористические работы Г.Ф. Миллера, А.А.Фукс, Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, К.П. Прокопьева, Г.И. Комиссарова, П.В. Денисова и др., рукописи Г.Т. Тимофеева, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского и др., хранящиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук; этнографический очерк «Тăхăръял» Г.Т. Тимофеева, выдержавший 2 издания; 17 выпусков «Словаря чувашского языка» Н.И. Ашмарина; «Русско-чувашский словарь» (Казань, 1909), «Краткий чувашско-русский словарь» (Казань, 1919) Н.В. Никольского; «Диалектологический словарь чувашского языка» Л.П. Сергеева (Чебоксары, 1968); «Чувашско-русский словарь» под редакцией М.И. Скворцова (Чебоксары, 1985); отчеты фольклорных экспедиций сотрудников Чувашского НИИ за 1961, 1962, 1971, 1987 гг.; картотека «Историко-этимологического словаря чувашского языка» профессора Н.И. Егорова; «Учебно-справочные материалы по чувашской диалектологии и диалектологический словарь приуральских говоров чувашского языка» Л.В. Власовой и Н.И. Егорова (Стерлитамак, 2004); материалы фольклорно-диалектологической практики студентов русско-чувашского отделения Стерлитамакской государственной педагогической академии им. Зайнаб Бишшевой за 1997-2007 гг., а также записи, сделанные в течение ряда лет автором диссертации.

Методологическая основа вырастает из положений работ В.Я. Проппа, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, А.В. Гуры, Б.А. Успенского, А.К. Байбурина и др. Подспорьем в деле осмысления теоретических положений диссертации и поисков методов послужили труды местных ученых Чувашии: Н.И. Золотницкого, Н.И. Ашмарина, В.И. Сергеева, Н.И. Егорова, А.В. Кузнецова и др.

В ходе исследования применялись следующие **методы**: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, этнолингвистический, лингвокультурологический, позволившие произвести комплексный анализ терминологии и других номинативных единиц похоронно-поминальной обрядности.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предпринят опыт изучения терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья в этнолингвокультурологическом освещении (в сравнительно-историческом, сопоставительном и типологическом аспектах), осуществлена практика цельного и системного осмысления ТПЮ в контексте этнолингвокультурологии и реконструирования лингвистической картины ПЮ чувашей, определения структурных ритуально-обрядовых блоков, выявления структуры каждого блока по отдельности. Кроме того, впервые проведена верификация номинативных единиц.

Цели диссертационной работы заключаются в инвентаризации, систематизации, классификации и сравнительно-историческом и сопоставительном изучении терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей.

В соответствии с поставленной целью решаются следующие **задачи**: 1) сравнительно-сопоставительное изучение терминологии похоронно-поминальной обрядности родственных тюркских (чувашского, татарского, башкирского и др.) и исторически контактировавших финно-угорских (марийского и отчасти удмуртского) языков; 2) исследование похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья в этнолингвокультурологическом аспекте; 3) выявление закономерностей построения вербального обрядового текста на материале комплекса похоронно-поминальной обрядности чувашей в сравнении с аналогичной обрядностью других народов обширного Урало-Поволжского региона; 4) реконструкция всего комплекса похоронно-поминальной обрядности чувашей.

шей на основании лингвистического материала, то есть на базе изучения традиционной народной терминологии.

Теоретическая значимость исследования заключается в разработке и апробации определенного круга аналитических приемов, методов, критериев и предюсылок к дальнейшему углубленному комплексному этнолингвокультурологическому изучению терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья в сравнительно-сопоставительном плане, что призвано способствовать дальнейшему развитию современной лингвистики, этнокультурологии, этнолингвистики, лексикологии, морфологии, а также для кодификации и нормализации специальной научной (этнологической, культурологической и т.д.) терминологии чувашского языка. Основные положения диссертации могут быть использованы в дальнейшем расширенном и углубленном исследовании номинативных единиц ППО народов Урало-Поволжья.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть использованы при составлении толковых, этимологических, отраслевых, этнолингвистических и иных словарей, а также при разработке практических пособий, спецкурсов по фольклору, лексикологии, этнографии, культурологии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Сравнительно-сопоставительное и этнолингвокультурологическое исследование терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья, как одно из направлений в языкознании, вызывает необходимость рассмотрения лексики в новых аспектах.

2. Терминология похоронно-поминальной обрядности чувашей сформировалась на основе исконно тюркских и заимствованных слов. Наибольший интерес представляют термины исконно тюркского происхождения, отличающиеся большим семантическим разнообразием. На их основе можно выявить принципы номинации, характерные для чувашей.

3. Сравнительно-сопоставительное исследование терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов позволяет установить межкультурные и межъязыковые связи народов Урало-Поволжья.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертации оглашались на научно-практических конференциях меж-

дународного, всероссийского, республиканского, межвузовского уровней в городах: Стерлитамак, 1999, 2001, 2003, 2004, 2007, 2008 гг.; Чебоксары, 2000 г.; Уфа, 2002, 2008 гг.; Елабуга, 2002, 2006 гг.; Тобольск, 2007 г., 2008 г.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, формулируются цели и задачи, определяются объект, предмет исследования, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе **«Общетеоретические проблемы изучения обрядового текста и терминологии похоронно-поминальной обрядности в лингвистике»** рассматривается современная теория текста как объекта лингвистических исследований, так как содержание ТППО раскрывается в обрядовых текстах.

В **первом разделе** первой главы рассматриваются гносеологические границы разных лингвистических субстанций, связанных с изучением текста вообще и обрядового, культурного текста в частности, грамматики текста, лингвистики текста, теории текста, а также этнолингвистики, лингвокультурологии, этнолингвокультурологии и семиотики; излагаются основные суждения о тексте, семиотике, включая лингвистику, структуру, грамматику текста и т.д. Основное внимание уделено обрядовому тексту как предмету исследования этнолингвистики (шире этнолингвокультурологии). Затрагиваются особенности теории текста, как самостоятельной филологической дисциплины, т.к. общая функциональная направленность теории текста особенно важна для анализа цельного обрядового текста, уделено вопросам, касающимся структуры текста.

В данном параграфе рассматривается также *семиотический подход* к анализу культурных текстов. В отношениях между человеком, обществом и природой культура предстает как совокупность языков, распределенных по своим функциям, что и позволяет говорить о семиотике культуры. Человеческий язык не только система коммуникации, но и система хранения, организации и трансмиссии информации. В связи с использованием знака в человеческой деятельности возникают многообразные формы отношений. Это – отношение человека к знаку, знака к реальному предмету и его иде-

альному образу, знака к другим знакам системы и т.д. В соответствии с этим существует три уровня (аспекта) членения семиотики – синтагматика, семантика и прагматика.

Ценность семиотического подхода к изучению обрядовой сферы традиционной культуры состоит прежде всего в том, что она позволяет реконструировать в полном объеме процессуальный уровень обряда и относительно адекватно восстановить идеологическую сферу обряда, его семантический и ментальный уровни.

Во **втором разделе** первой главы рассматривается обрядовый текст как объект лингвистического изучения. По убеждению автора, обрядовый текст исследуется в рамках таких специфических направлений филологической науки, как лингвистика текста, теория речевых актов, теория массовой коммуникации, теория текста, семиотика, прагматика, культурная антропология, фольклористика, этнология, культурология, этнолингвистика и т.д. Обрядовый текст, актуализированный в вербальной форме, выражает обряд в формах языка, то есть с помощью языковых знаков. Следовательно, основная сущность актуализированных в вербальной (повествовательной) форме обрядовых текстов заключается в языковом выражении определенного смыслового ряда. Языковая сущность вербально зафиксированных обрядовых текстов придает им статус объекта лингвистического изучения.

Обрядовый текст изучается с позиции языкознания, то есть приемов и методов, разработанных лингвистикой и теорией текста. Поэтому к обрядовому тексту надо подходить как к тексту лингвистическому и уделять внимание анализу языковых знаков – слов, синтагм, терминов, терминологических оборотов.

В **третьем разделе** данной главы диссертации излагаются основные общетеоретические предпосылки по содержанию и структуре похоронно-поминальной обрядности.

По своему содержанию и структуре похоронно-поминальный обрядовый комплекс представляет собой линейно упорядоченную последовательность реальных (физических), целесообразных (прагматических), нормированных (санкционированных) действий, совершаемых в соответствии с устоявшимися в данном социуме религиозно-мифологическими нормами в процессе подготовки тела усопшего к захоронению, самого акта погребения, а также спустя

определенное время после захоронения¹. Весь комплекс похоронно-поминальной обрядности в целом, включая некоторую совокупность предварительных и завершающих акций, предстает как многоморфный смысловой пространственно-временной континуум, который с лингвистической (прежде всего – семиотической) позиции принято называть обрядовым текстом. Похоронно-поминальная обрядность рассматривается как сложный цельный комплекс, состоящий из упорядоченной последовательности реальных (физических), символических и ментальных акций и символов, выраженных в трех основных формах: реальном (предметном), акциональном (действенном), вербальном (словесно-речевом).

При этом следует оговориться, что мы изучаем, собственно, не сами обрядовые акции, а термины, их отражающие, то есть слова и синтагмы и скрытые за ними значения и смыслы как поверхностные, так и глубинные. Взятое вне контекста слово (с его словарным толкованием) обладает только поверхностным смыслом (значением), а глубинный смысл слова познается только в тексте.

Похоронно-поминальная обрядность при всей своей сложности и множественности элементов подчиняется строгим правилам. Это позволяет проанализировать каждый эпизод обряда с учетом основных семиотических оппозиций, что в свою очередь помогает выявить существенные дополнительные детали. Обращение к терминологии ППО как к источнику реконструкции древней духовной культуры чувашей и других народов эффективно при условии, что эта терминология изучается системно.

В *четвертом разделе* первой главы рассматриваются парадигматика и синтагматика обрядового текста. При лингвистическом подходе к изучению обрядового текста знаково-кодовый уровень следует относить к сфере *парадигматики обряда* – системе отношений единиц (знаки, коды) определенного уровня. Каждый элемент обрядового текста семиотически маркирован по отношению к своему прототипу: предмет и действие выступают в обряде не в своем обиходном, утилитарном значении, а в ритуальной, символической,

¹ Ольховский В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура // Рос. археология. – 1993. – № 1. – С. 85.

знаковой функции². Это вторичное, культурное, символическое значение реалии как дополнительная знаковая характеристика и служит предметом нашего исследования.

«Парадигматические отношения – это отношения между языковыми единицами, которые чередуются друг с другом в одной и той же позиции или определенным образом совмещаются друг с другом в одной и той же позиции»³.

С лингвистических позиций к парадигматике относятся группировки знаков в системе языка, основой которых выступает оппозиция синонимия – антонимия, паронимия; гнездо знаков (слов) – семья знаков; лексико-семантическая группа – наиболее общая группа знаков – поле.

Синтагматическое отношение характеризует строение синтагмы как языковой последовательности любого уровня и/или определяется комбинаторика более крупных единиц из более мелких. Синтагматические отношения основаны на линейном характере речи и свойстве ее протяжённости, однонаправленности, последовательности. Благодаря этому элементы речи (текста), следуя один за другим, образуют определенную последовательность языковых знаков – синтагму. Это определение синтагматики подходит и к обрядовому тексту. К синтагматике в языкознании относят группировки слов (знаков) по их расположению в тексте (речи) относительно друг к другу (сочетаемость, аранжировка), при этом основой таких отношений выступает дистрибуция, то есть распределение отдельных единиц (слов, словоформ, знаков, кодов) в тексте. В параграфе обозначена цель изучения парадигматики и синтагматики обряда.

В *пятом разделе* первой главы на основе анализа этнографических и лингвистических источников дается краткая характеристика истории изучения и фиксации терминологии похоронно-поминальной обрядности и самого обряда в тесной связи с многовековой историей и культурой народов Поволжья. Для нашего исследования большой интерес представляют материалы, собранные в

² Толстой Н.И. О вторичной функции обрядового символа (на материале славянской духовной традиции) // Историко-этнографические исследования по фольклору: сб. статей. – М., 1994. – С. 238.

³ Степанов Ю.С. Основы общего языкознания. – М.: Просвещение, 1975. – С. 259.

середине XVIII – начале XX веков Г.Ф. Миллером, П.С. Палласом, И.Г. Георги, И.И. Лепехиным, Н.И. Золотницким, Н.И. Ашмариным, Н.В. Никольским, Г.Т. Тимофеевым и другими. В них отражены традиционная похоронно-поминальная обрядность и терминология не только чувашей, но и других народов Урало-Поволжского региона.

Во второй главе диссертации «**Отражение представлений о загробном мире, душе, смерти, покойнике, кладбище, могиле, гробе в похоронно-поминальной терминологии**» прослеживается терминология, связанная с представлениями чувашей о душе, о смерти, о загробном мире, об усопших и т.п. в сравнении и сопоставлении с данными языков народов Урало-Поволжья. В *первом разделе* исследуется терминология, связанная с представлениями чувашей о загробном, потустороннем мире (*леш тёнче*). Чувашское *леш тёнче* образовано от указательного местоимения *леш* «тот, другой» + чув. *тёнче* «свет», букв. «тот свет». [Сравним с марийским *ишм тунчӓ* (Уф.), *вэсь тунъя* «загробный мир»].

Представления чувашей о существовании потустороннего мира тесно переплетаются с космогоническими представлениями других народностей. В верованиях чувашей о загробном мире нашли отражение постулаты язычества, мусульманства и христианства. Как свидетельствует языковой материал, после принятия ислама стало особенно интенсивно входить в мировоззрение булгароязычного населения мусульманское вероучение (ср. *масар Эсрейти* «Азраиль кладбища», оба слова арабского происхождения), но при этом частично сохранялись и исконные языческие представления.

Во *втором разделе* второй главы рассматривается терминология, связанная с представлениями о душе и ее переселениях после смерти человека. Души благочестивых людей и детей после смерти могли отправиться в *сӓтмах* «рай», *сётлӓ кӓлӓ* «молочное озеро», *мамӓрлӓ сӓр* «блаженное место» (ср.: башк. д. (сакм.) *мамыра* «блаженствовать»; кирг. *мамыр* «спокойный»; каз. *мамыра* «блаженный»; мар. *мӓмырлык* «блаженство, «роскошь, удовольствие, блаженство»). Место грешников на том свете – *тамӓк* «ад», *тамӓк хуранӓ* «адский котел», *ахрат сӓрми* «пропасть, глубокий овраг», *тӓпсӓр ханкӓр*, *инкӓр-ханкӓр* «преисподняя», *какӓрман сӓр-шывӓ* «преисподняя», букв. «страна хаоса». Терминология, связанная с трансцендентным миром, состоит из ряда заимствований из татар-

ского, персидского, арабского, иранского языков. Большинство является общетюркским и имеется во всех тюркских и финно-угорских языках. На это указывает общность культурно-религиозной терминологии, которая образовалась в эпоху Великой Булгарии, Золотой Орды, Казанского ханства.

В *третьем разделе* второй главы рассматриваются основные базовые слова, образованные от глагольной основы *вил-* «умереть»: *вёлер-* «убить», *вилё* «мертвый» (со значением признака), «мертвец, труп» (со значением результата), *вилём* «смерть» (физиологическое явление и персонаж) в сравнении и сопоставлении с языками родственных и неродственных языков, в которых раскрывается этнокультурная сторона жизни народа. Особенно это заметно в названиях, связанных с представлениями о смерти и усопших, на основе которых образованы многочисленные новые слова как синтетическим, так и аналитическим способами. Компаративное изучение номинативной единицы *вилём* позволяет представить полную картину народного представления о смерти как о физиологическом явлении и как о персонифицированном, аниматизированном, антропоморфизированном существе, мифологическом персонаже «духе смерти». Дух смерти обозначается терминами, как *Чун илии*, *Эсрел*. *Чун илии* (дух смерти) «душегуб, убийца» (чисто чувашское название; ср.: тат. *жәңкыйгыг* «душегуб», «душегубец», мар. *чон кочио* «душегуб», «убийца») и по представлениям чувашей, ходит с шилом и молотком и извлекает души людей. Второе название духа смерти *Эсрел* в чувашском языке имеет ряд фонетических вариантов (*эсрел*, *эсрил*, *эсрелё*, *эсрелиё* «дух смерти»). Соответствия в других тюркских языках: тат. *газраил* «ангел смерти», «жестокосердный, бессердечный»; баш. *газзил* «демон»; тур. *азраил* «ангел смерти, уносящий душу человека»; узб. *азраёил*; кумык. *азирейл*; ног. *азраил* «ангел смерти»; казах. *эзірәйіл* «дух смерти». Ср.: мар. Г. *аьзырен*, мар. Л. *азырен* смерть (как существо) (< тюрк.). Слово *Эсрел* считается арабским (араб. *азраил* имя ангела смерти), заимствованным через татарское посредство.

В *четвертом параграфе* обобщены номинативные единицы, связанные с названиями кладбища и могилы. Кладбище – сакральное место, где совершаются ритуалы с погребением усопших, поминальные обряды, также с ним связан ряд запретов и суеверий. Для понятия «кладбище» в чувашском языке используются *масар*, *сәва*,

куринк(к)е. Для низового диалекта характерным общеупотребительным словом считается *масар*. В говорах верхового диалекта распространено слово *şава*, в некоторых локальных говорах низового диалекта – *куринке / куринке, виӗ карти*, «кладбище», *şава карти* «кладбище». Исследователи отмечают, что слово *şава* образовано от древнетюркского *йог* в значении «похоронная церемония». Сравнительно-сопоставительный материал показывает, что *масар* приобрело значение «кладбище» только в конце XIX - нач. XX (по крайней мере, в среде верховых и средненизовых чувашей). Кроме этого, в устах чувашского народа сохранились эвфемистические перифразы названия кладбища: *автансӑр ял* «кладбище», букв. «деревня без петухов», *тётёмсёр ял* «кладбище», букв. «деревня без дыма». Могила в чувашском языке представлена такими терминологическими единицами: *виле шӑтӑкӗ*, букв. «мертвого яма», *сын ытмармалли шӑтӑк*, букв. «яма для захоронения человека», *масар шӑтӑкӗ*, букв. «кладбище(нская) яма», *вилӗ сын шӑтӑкӗ*, букв. «мертвого человека яма», *пусӑ*. В некоторых говорах башкирских чувашей зафиксирован термин *лехет* (ср.: тат., башк. *ләхет* «боковая ниша в могиле, куда кладут покойника-мусульманина», «могила, могильная яма» ← араб. *лахед* «могила», «боковая ниша в могиле»), *тупӑк* в значении «могила».

Пятый параграф посвящен подробному анализу номинативных единиц, обозначающих гроб: *тупӑк* (фонетические варианты *тупӑт*: *топӑт*), *кистен*, *йывӑс* (букв. «дерево»), *пӑрт*, *сӑрт* букв. «дом». Слово *тупӑк* «гроб» имеет арабское происхождение, в чувашском языке является татарским заимствованием (тат. *табут*). Это общечувашское название получило повсеместное распространение, однако, в верховом и маргинальном говорах низового диалекта для обозначения «гроба» употребляется слово *кистен*. По традиционным воззрениям многих народов, «гроб» считается домом или жилищем покойника. Мифологическая связь между понятиями «гроб» и «дом» подтверждается номинативными единицами *пӑрт*, *сӑрт*. Представление гроба как «дома» выражается не только в вербальном коде, но и в ритуальных действиях. Так, в гроб клали овечью шерсть (*şӑм хураççӗ*). Такое действие можно объяснить лишь при сопоставлении гроба с жилым домом, при возведении которого чувашки под первый венец кладут шерсть, чтобы удержать тепло (*ӑшӑ тытма*).

В словообразовании чувашской терминологии ППО выделяем несколько способов: *Лексико-семантический*: *тупăк* «гроб» < *тупăк* «могила»; *пӳрт* «гроб» < *пӳрт* «дом». *Аффиксальный*, где наиболее продуктивными дериватами являются *-лăх(-лӗх)*, *-ӗ*, *-сăр(-сӗр)*: *вилӗмлӗх*, *вилӗмсӗр*, *вилӗ*. *Лексико-синтаксический*: сущ. + сущ. (*тамăк хуранӗ*, букв. «адский котел», *масар пусӗ* «глава кладбища»); прил. + сущ. (*сӗтлӗ кӳлӗ* «молочное озеро»); мест. + сущ. (*леш тӗнче* «тот свет»); числ. + сущ. + сущ. (*сичӗ сӗр мини* «татарары», букв. «седьмой ярус земли»); деепричастная форма + личная форма гл. (*касăнса вил* «умереть от пореза»). Продуктивным способом обогащения терминов являются кальки и полукальки русских терминов: *вăхăтсăр вилӗм* «бесвременная кончина», *кӗтмен вилӗм* «неожиданная смерть».

В третьей главе «**Специфика терминологии допохоронной обрядности**» на основании лингвистического материала, то есть на базе изучения традиционной народной терминологии, сделана попытка реконструкции ритуально-обрядового блока «Допохоронная обрядность». В данной главе рассматривается терминология предварительных (подготовительных) обрядов похоронного цикла в языковом сравнении и соотношении с аналогичными явлениями и воззрениями народов Урало-Поволжья.

Допохоронная обрядность состоит из ритуально-обрядовых блоков, внутри которых каждый обрядовый акт представляет собой ситуацию взаимодействия элементов различных кодов: акционального, локативного, темпорального, персонажного, музыкально-вербального и др. Этот период является одним из важных и значительных моментов похоронно-поминальной обрядности, поскольку на этом промежутке времени происходит подготовка умершего к захоронению, включающая в себя такие обрядовые акты, как подготовка к смерти, благословение, завещание, прощение, исход души (наступление смерти), омовение души, хождение за водой, обмывание, обряжение, бдение, рытье могилы, очищение. Действия обозначены соответствующей обрядовой терминологией.

Ритуальная подготовка к смерти имеет как материальную, так и духовную составляющие. К материальным элементам относятся *вилӗм япал*, *вилӗмлӗх япала*, букв. «вещи, отложенные на смерть», *пытару хатӗрӗ* «вещи, приготовленные к погребению» (ср.: тат. *улемтек* «вещи, приготовленные для погребального обряда»; башк.

улемлек «вещи, отложенные на похороны»). Духовный компонент сопровождался ритуалами благословения умирающим на смертном одре, завещания, прощения, причащения, отпущения грехов, соборования, имеющих целый ряд специфической терминологии: *пил: пех(х)ил /пахил* «благословение», тат., башк. *бәхил* «прощение», вост.-мар. *пакел* «прощальное пожелание», «прощание»; *халал* «завещание», тат. *хәләл*, башк. *хәләл* «дозволенный, допущенный», «незапретный», «законный, соответствующий шариату», мар. *алал* «благожелательный», «благожелание», удм. *калал* «завещание (перед смертью, отъездом, прощением)». Слово *халал* арабского происхождения: от *halāl* «дозволенный, разрешенный», «чистая, неоскверненная пища», «приобретенное честным путем достояние», «прощать», «отпускать прегрешения (о человеке)». Сравнительно-сопоставительное исследование показывает, что тексты чувашских, татарских, башкирских, марийских благословений очень близки, и это связано с многовековыми взаимными контактами, которые интенсивно развивались в Урало-Поволжье.

В терминологии акционального кода отражен момент наступления смерти: *чун тухни* «исход души». По народным представлениям, душа должна явиться в чистом виде в загробный мир. У народностей Урало-Поволжья сохранилось поверье, что душа человека после отделения от тела умывается водой в чашке, которая ставится специально для этого случая у изголовья умирающего. Этот момент передается терминологией *чун сәйәнни*, *чунё чүхенни* «омовение души».

Особую значимость приобретает предметный код, включающий реалии, играющие на данном этапе обряда защитную роль. Чтобы избежать овладения злыми духами душой умершего, после выхода души которого к его изголовью кладут соль, хлеб, зажигают свечу. Хлеб и соль, считается, способны защитить от нечистой силы. Одна из функций хлеба и соли, оставляемых в течение 40 дней после смерти, быть оберегом. К предметным реалиям относится также яйцо, которое присутствует в ритуальном действии, обусловленном представлениями о рождении новой жизни. Действие выражено обрядовой терминологией *сәмарта кустарни* «катание яйца». Слово *кус-* употребляется в значениях «вращаться, катиться», «совокупляться». Катание яйца по земле – это как оплодотворение земли. Тем самым осуществляется рождение новой души, и смерть здесь понимается как залог рождения новой жизни.

Важными ритуально-обрядовыми действиями допохоронной обрядности являются следующие моменты отображаемые в терминологии: «обмывание» (*виле ўтне суні*), обряжение (*виле тирпейлени*, букв. «приводить умершего в порядок», *вилё пуҫтарни*). На данном этапе выделены термины персонажного кода: *виле ҫавакан*, букв. «обмывальщик умершего», *саван сунакан сын* «человек, желающий всех благ», *шыва кўртсе ҫавакан* «человек, совершающий обряд купания», *сывайх сынсем* «близкие (покойному) люди», *хресне ача* «крестное дитя».

Темпоральный признак является в весьма ограниченном числе терминов, связанных с обозначением момента смерти. Время обмывания выражается номинативными единицами: *вилнё майан* «немедля после кончины», *сыйёнчех* «незамедлительно», *кевте хытиччен* «пока тело не остыло».

К предметной знаковой системе, связанной с обмыванием умершего, относятся сооружения для обмывания, вода, предметы, необходимые для обмывания: мыло, мочалка, тряпки, рукавицы и пр., которые имели вторичную ритуализацию. Чуваши считали, что кусок одежды умершего может помочь в судебных делах. Мыло использовалось в лечебных целях. Можно перечислить достаточное количество примеров предметного кода, функционирующих во время похорон и «используемых вторично в действиях с иной функциональной направленностью»⁴. К предметным знакам относится вода для обмывания покойника (*вил шыв*, *вил(е) шывё*, букв. «мертвецкая вода», *виле сунӑ шыв* «вода, в которой обмывали умершего»), наделенная магической и ритуальной функцией. Следующим составляющим обрядового текста допохоронной обрядности являются действия (актанты), связанные с хождением за водой для обмывания (*шыв асма кайни*), которое включает в себя ряд действий с водой.

Следующим моментом считается обряжение усопшего, которое выражается в обрядовой терминологии *тирпейлени* букв. «приведение в порядок», *ретлени* букв. «приведение в порядок», *тӑхӑнтартни* букв. «одевание, облачение», *тумлантартни* букв. «одевание, наряжение» и *кехвенлени* «обертывание покойника в саван». На данном этапе особым значимым является предметный код.

⁴ Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. – Изд. 2-е, испр. – М.: Индрик, 1995. – С. 171.

В силу этого рассмотрена «смертная одежда», каковая делится на праздничную, повседневную, брачную.

В д. Зириклы Бижбулякского района Республики Башкортостан некрещеные чувашки (*тёне кёмен чăвашсем*) в качестве специальной погребальной одежды использовали *кевенлёк* «саван» (< тат. *кафен* «саван», *кафенлек* «материал для савана»; башк. *кафен* «саван», *кафенлек* «ткань на саван»). Местами атрибутом «смертной одежды» является *йёлен*, *илен* «старинный женский свадебный кафтан», «старинная суконная поддевка женщин» (< тат. *жилан* «азям», «халат», «летнее пальто», «пыльник»; башк. *елэн* «женский халат»; мар. б. *йёлен* «женский летний кафтан из сатина, пиписа»).

Во время обряджения усопшего немаловажное значение придается волосам (или заплетанию косы) *виле сўснә сивәтлени*. Заплетая умершей женщине косу особым способом, усопший «лишается последних признаков принадлежности живым»⁵.

В разделе дается анализ названий обрядовых действий, связанных с изготовлением гроба. Действия составляют сложный текст похоронного обряда и систематизируются различным образом: *тупăк туни* «изготовление гроба», *тупăк илсе кёни* (внесение гроба), *тупăка вырттарни* (укладывание в гроб).

Нами выявлены термины, определяющие действующие лица (персонажный код) в ритуально-обрядовом действии: *йывăс тăвакансем* букв. «изготовители, создатели дерева», *кистен тăвакансем* «изготовители гроба», *тупăк тăвакансем* «изготовители гроба», *ăстасем* «мастера», *йывăс асти* «столяр», букв. «мастер по дереву»; мар. *мастар*, *уста*.

Обобщается растительный код, то есть использование в ритуале регламентированных пород деревьев и определенных видов травянистых растений. Например, окуливание богородской травой, вложение в руку покойного ветки шиповника, изготовление постели из *Тур(ă) амăш курăкё* «богородская трава», *чапăр курăкё* «чабрец» и пр.

В данном ритуально-обрядовом блоке выявляются исконно чувашские, языческие элементы с наслоениями христианской симво-

⁵ Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – С. 108.

лики (икона, крестик, венчик), прослеживается смежность мусульманской культуры, в частности — татарской.

Одним из основных моментов допогребальной обрядности считаются ночные бдения около покойника *виле сунче ларни* «сидение у покойника», *виле сине кайни* «хождение к покойнику». В этом отношении сохранились у башкир и татар названия, которые непосредственно связаны с символической охраной покойника: тат. *үле саклау*; башк. *мәйет һаклау* «охранять покойника», *мәйет кәтәу* «сторожить покойника». Ночное бдение у некоторых групп татар называется *тэн саклау*, *төнәтү* «караулить ночь». Цель ночного бдения — не дать овладеть демоническим духам душой умершего и забрать ее к себе, поэтому родные и близкие усопшего должны были ее охранять, угощать, ублажать и веселить. При живых людях дьяволы не могли подступиться к душе умершего. Для предохранения души от козней злых духов в течение 40 дней поддерживали огонь (жгли свечи или лампаду, светильник), под гроб клали острые железные предметы: нож, топор.

Рытье могилы маркируется различными ритуальными действиями, которые фиксируются в терминологии *сёр пуслани* (*ишәтәк пуслани*) «починание земли», то есть на месте будущей могилы вырезается слой дерна, который называется «зачинная земля» (*сёр пусланә тәпра*); *сёр сутан илнн* «выкуп земли», *вырән ил(ни)* «выкуп места».

Значительная часть рассматриваемых нами обрядовых терминов мотивирована обрядовой реальностью, которая носит регулярный и системный характер. Например, названия действующих лиц могут мотивироваться совершаемыми действиями или обрядовыми функциями: *сёр пуслакане* (*пуслаканни*) «починающий землю», *сёр пусё* «починатель земли».

В четвертой главе «**Особенности терминологии погребальной обрядности**» рассматриваются основные моменты собственно погребального периода, которые ограничены одним днем, насыщены ритуалами и переданы соответствующей терминологией, причем обрядовые акты традиционны в вербальном, акциональном, предметном, темпоральном, локативном планах. Основными блоками на этом промежутке времени следует считать: прощание (дома, во дворе), вынос гроба, путь на кладбище (похоронная процессия), опускание гроба в могилу, бросание горсти земли, погребение, поминове-

ние, очищение. Ритуальные действия и терминология рассматриваются в сравнительно-сопоставительном и этнолингвокультурологическом аспектах.

В исследовании особое место отведено «порубежным», переходным моментам, то есть границам разных микромиров: двери дома (*алък*), воротам двора (*ханха*), полевым воротам (*уй ханхи*), которые являются рубежами опасными и отделяющими «умершего от его дома, семьи и земной жизни»⁶. Границы рубежа отмечались ритуалами, поэтому «при выносе покойника из дома должен быть окончательный раздел между живыми и мертвыми»⁷, и достаточно часто фиксировался обычай при выносе гроба троекратно взад-вперед раскачивать его у порога. Ритуальное действие символизировало прощание умершего с домовым (*хёрт-сурт*). На данном этапе выявлены действия, связанные с очищением, производимые с огнем и водой. К реалиям очищения относятся зола, раскаленный камень, зажженное тряпье. Ритуальное действие состоит из *очищения дома* (*нүрте суса тасатни*), которое проявлялось в обмывании стены дома, пола.

Кульминационным моментом погребального цикла является похоронная процессия. Перемещение является центральным звеном не только в синтагматической, но и в семантической структуре ритуала. Последний путь покойного перекликается с реальной дорогой (от дома до кладбища) и мифологической (в иной мир). О.А. Седакова пишет, что «дорога — одна из самых значительных реалий похорон: путь из дома до кладбища — кульминация в развитии обряда»⁸. С дорогой связаны многочисленные ритуальные действия: устилание дороги ветками, цветами, нитками (местами), запреты на растягивание толпы участников церемонии, посещение кого-либо по возвращении с кладбища. По ходу похоронной процессии совершают обычай, получивший название «дарить встречную» (*нёрремёш тёл пулакана пани*), то есть дарить подарок первому встретившемуся

⁶ Толстой Н.И. Перевоорачивание предметов в славянском погребальном обряде // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: (погребальный обряд). — М., 1990. — С. 119.

⁷ Байбурин А. К. Указ. раб. — С. 112.

⁸ Седакова О.А. Метафорическая лексика погребального обряда: материалы к словарю // Славянское и балканское языкознание. — М., 1983. — С. 206.

человеку. В качестве знака первой встречи используются чыгыт, юсман и свеча, завернутые в кусок холста (сверток), и называется такое подношение *сул парни* «дорожный дар». Обычай дарить первому встречному характерен для татар-кряшен, русских и некоторых др. народов.

Сам процесс погребения в чувашском языке обозначается номинативной единицей *виле пытарни*, также используются глагольно-именные конструкции *виле пытар- / чик-*, ср.: мар. *колышмыш тояш*. Следует отметить ареальное употребление *пытар-* «прятать», *чик-* «совать, сунуть, помещать во что-л.», *хур-* «класть, ложить», *вар-* «зарывать». М.Р. Федотов чувашское *пытар-* связывает с др.-тюрк. *batur-* понуд. ф. от *bat-* «топить, окуна́ть, прятать, скрывать». Сравнительно-сопоставительное исследование слова «хоронить» указывает «на необходимость убрать умершего из сферы прямой бытовой досягаемости в область культовой недосюгаемости (но не физической недосюгаемости, ибо, чем физическая изоляция достигается, тем она и преодолевается – на этом основаны археологические раскопки погребений)»⁹.

Диссертантом выявлены в этнолингвокультурологическом плане предметные реалии, например, монеты, бросаемые в могилу: *ийтăк укшĕ* «могильные деньги», *ийв укшĕ* «деньги за воду», *çĕр çутти* «свет земли». Кроме того, по сообщениям некоторых информаторов, деньги (монеты) кидали, чтобы на том свете быть умершему богатым, неженатому – женатым, девушкам – замужем.

В пятой главе «**Терминология и структура поминальной обрядности**» рассматриваются терминология поминальной обрядности, названия их комплексов и действий.

Послепохоронный период связан со значительными поминками, которые подразделяются на частные и общие. Первые совершаются над новоумершим и, в свою очередь, подразделяются на малые и большие, и связаны они с проводами души на тот свет. Наша работа нацелена на рассмотрение частных поминок.

Чувашская традиция знает поминки *виççĕмĕш*, *виççĕмĕшĕ* «его третьины», *сиччĕмĕш*, *сиччĕмĕш(ĕ)* «его седмины», *кĕçнерни кун (кас)*, *эрне кас* «ночь с четверга на пятницу», *тăхăр кунĕ*, *тăххăрăшĕ*,

⁹ Кызласов И. Л. Мировоззренческая основа погребального обряда // Рос. археология. – 1993. – № 1. – С. 99.

тăххăрмайш «его девятины», *çирĕммĕшĕ* «двадцатый(день)», *хĕрĕхмĕшĕ* «сороковины», *пумилк(ке)* «поминки», *сур çулĕ* «полгода», *çулталăк, пĕр çулĕ* «год», *виçĕ çулĕ* «три года». Из перечисленных поминок не все являются исконно чувашскими. Важно отметить, что чувашаи поминки на девятый день стали отмечать под влиянием русско-православной обрядности. Однако, местами поминки, проводимые на девятый день по чувашской традиции, называются *çичĕшĕ*, то есть «его седмины».

В сравнительно-сопоставительном отношении важно отметить поминки «в ночь с четверга на пятницу» (*эрне каç*), ср.: тат. *атна кич*, башк. *азна кис*, мар.д. *арня гас, арнагас* «четверг», букв. «канун пятницы».

Поминки «в ночь с четверга на пятницу» (*эрне каç*) приходится на пятницу, так как по старому лунно-солнечному календарю чувашей сутки начинались с заходом солнца. Поскольку пятница, по мусульманской традиции, считалась праздничным днём, то поминовение «в ночь с четверга на пятницу» восходит к мусульманской культуре. Так, у татар бытует обычай поминать в каждый четверг (т.е. в ночь на пятницу). Башкиры по шариату устраивали поминки в каждую пятницу (*йома*) или четверг (*кесе йома*). В этот день читали молитвы, одна из которой должна быть посвящена умершим родственникам, то есть родителям (считалось, что покойник каждую пятницу или четверг навещается домой)¹⁰.

Малые поминки проходят по единому сценарию, где выделяются пищевой (блюда, напитки), вербальный (словесно-речевые формулы), акциональный (*хывни, асăнни*), предметный (полотенце, ложка, свеча и пр.), темпоральный (поминки начинаются после захода солнца до полуночи), локативный (дома, на улице, за воротами) коды. Во время поминок особым значимым элементом считается вербальный код. Как отмечалось выше, поминки устраиваются для «кормления» умершего – отсюда обращение к нему как к живому гостю. На данном этапе важно выделить животный код, которому характерна строгая регламентация использования определенных пород домашнего скота. Этот код отличается ритуальным действием *юн кăларни* «(вы)пускание крови», которое сравнимо с татаро-

¹⁰ Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX-XX вв. – М.: Наука, 1991. – С. 134.

мишарским обычаем приносить в жертву овец, телок, обычаем, и именуемым *кан чыгару* – «(вы)пускание крови»¹¹.

Поминки, справляемые после погребения и до больших поминок, связаны с «кормлением» души. По верованию многих народов, душа до сороковин остается дома; если так, то она нуждается в пище. Ритуальные действия связаны с двумя мотивами – это воспоминание умершего (*асӑнни*) и возлияние пищи умершему (*хывни*). Главная задача живых – забота о душе.

В обряде поминовения завершающим этапом для новоумершего считаются поминки на сороковой день, называемые в чувашском языке *пумилк(к)е*, *пумӗлке*, *пысӑк асӑну* «большие поминки», *хӗрӗхмӗшӗ*, букв. «его сороковины», *хӗрӗх кунӗ*, букв. «его сорок дней». Чувашское название обряда *пумилк(к)е*, *пумӗлке* проникло из русского языка и является лишь фонетическим освоением русской номинативной единицы *поминки*. Поминки на сороковой день характерны для русского и всех тюркоязычных народов, но в чувашской обрядности являются заимствованными и свойственны чувашам-кряшенам (язычники-чуваши справляли поминки на *юпа*).

Завершающим этапом частных больших поминок у чувашей-язычников является *юпа*, когда душа усопшего сородича окончательно уходит в мир иной и присоединяется к сонму ранее умерших предков.

Термин *юпа* в нашей работе рассматривается в значениях: 1) сакральное представление в мифологии; 2) надмогильный памятник, то есть как вторичный надмогильный знак, который устанавливается по прошествии определенного количества дней (недель, месяцев). В исследовании назван синонимичный ряд названий надмогильного столба: *масар юти* «надмогильный столб»; *пуç юти*, букв. «столб головы»; *чул юпа* «каменный столб»; *палак (палка)* (уст.) «знак», «признак», «примета», «памятник». Современные чуваша под этим словом понимают скульптуру или архитектурное сооружение в память кого-чего-нибудь; *сӑва палакӗ* «надмогильный памятник»; 3) название месяца; 4) поминальный обряд или окончательное выпровождение умершего и приобщение к ранее умершим.

¹¹ Уразманова Р.К. Современные обряды татарского народа (историко-этнографическое исследование). – Казань: Тат. кн. изд-во, 1984. – С. 121.

В синтагматическом отношении обрядовый текст характеризуется следующими ритуальными действиями и обозначается терминологией: 1) *юпа касма кайни* «выезд в лес за *юпа*»; 2) *юпа тунни* «изготовление столба»; 3) *юпа кёртни* «внесение в избу *юпа*»; 3) *юпа тумлантарни* «одевание *юпа*»; 4) *юпа сичне ларни* букв. «ночное сиденье у столба»; 6) *юпа кйларни* «вынос *юпа*»; 8) *кёпер хывни* «устройство моста через овраг»; 9) *юпа лартни* «водружение столба на могиле»; 10) *юпа мунчи* «баня, затапливаемая в *юпа* после водружения столба на кладбище». Ритуальные действия во времени ограничены и составляют не более суток. Обрядовый текст *юпа* в парадигматическом отношении характеризуется следующими «кодами»: вербально-музыкально-хореографический (во время «ночного сиденья у столба» плясали, пели), вербально-акциональный (во время возлиания (*хывни*) произносили слова с обращением к душе), пищевой (обрядовые блюда и напитки), предметный (намогильное сооружение *чартак*), темпоральный (утро, ночь), локативный (местом окончательных проводов служит двор, площадка у ворот со стороны улицы, ближайший перекресток в сторону кладбища, дорога, ведущая на кладбище), предметный (свеча, полотенце), животный (скотина, которую режут на поминки), иконический (*юпа*, т.е. изображающий умершего), растительный (*юпа* для умершего мужчины изготавливался из дуба, для женщины из липы).

Следующим блоком обрядового текста *юпа* является вторая ночь, называемая *вйрйм сурта кас* «вечер длинной свечи» где совершается ритуальное действие *аса курки ёстерни* «распитие мужского ковша». Затем следует «обряд введения новопреставившихся в круг ранее умерших» *вилёсене пёр сёре хутайштарни* (ритуал происходит через день или два дня после поминок в кругу семьи в *салам сёрё* «ночь поклона»). Ритуал сопровождается с поклонами. Характерной для данного этапа является обрядовая терминология, называющая акциональные действия: *салам асатни / ирттерни*, букв. «провода *салама*»; *салам курки ёстерни* – «преподношение ковша с пивом (*сйра*)»; *салам калани* «передача весточки через новоумершего своим прежде почившим родственникам». Завершающим этапом всего обрядового цикла «Юпа» считается распитие *таса сйра* (чистое пиво), которое совершается в кругу семьи и соседей.

В **заключении** излагаются основные результаты исследования, раскрываются перспективы дальнейшего сравнительно-сопостави-

тельного и этнолингвокультурологического исследования терминологии похоронно-поминальной обрядности чувашей и других народов Урало-Поволжья.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

Статья в издании, рекомендованном ВАК:

1. Афанасьева, Л.А. Лексика и устойчивые словосочетания, связанные с представлениями о смерти и усопших в чувашском языке / Л.А. Афанасьева // Вестн. Чуваш. ун-та. – 2007. – №7. – С. 122-125.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

2. Васильева, (Афанасьева) Л.А. Влияние православной религии на чувашский похоронный обряд / Л.А. Васильева (Афанасьева) // Проблемы изучения и преподавания филологических наук: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 11-13 мая 1999 г. / под общ. ред. И.Е. Карпухина, науч. ред. М.З. Закиев, отв. ред. Р.Г. Сигагатов. – Стерлитамак, 1999. – Ч. 4: Татарская и чувашская филология. – С.247-251.

3. Васильева, (Афанасьева) Л.А. Лексика похоронного обряда в говорах башкирских чувашей: (к этимологии слова *кистен* «гроб») / Л.А. Васильева (Афанасьева) // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура: тез. докл. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Чуваш. Респ., 22 июня 2000 г. - Чебоксары, 2000. – С. 331-334.

4. Васильева, (Афанасьева) Л.А. Традиционная одежда в погребальном обряде чувашей РБ / Л.А. Васильева (Афанасьева) // Актуальные проблемы изучения и преподавания истории и культуры Башкортостана: сб. материалов респ. науч.-практ. конф. 3 окт. 2001 г./ под общ. ред. В.А. Иванова, отв. ред. О.А. Курсеева. – Стерлитамак, 2001. – С.61-64.

5. Васильева, (Афанасьева) Л.А. Один из аспектов похоронной лексики чувашей Приуралья в сравнительном плане с языками евразийского пространства / Л.А. Васильева (Афанасьева) // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: язык и литература в межкультурной коммуникации народов Евразии: материалы между-

нар. науч. конф. 30 сент. – 2 окт. 2002., г. Уфа. – Уфа, 2002. – С. 42-44.

6. Васильева, (Афанасьева) Л.А. Ритуальные блюда в похоронно-поминальном обряде чувашей Приуралья / Л.А. Васильева (Афанасьева) // Актуальные проблемы тюркской и финно-угорской филологии: теория и опыт изучения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Елабуга, 2002. – С. 43-46.

7. Афанасьева, Л.А. Основные понятия, отражаемые в похоронной лексике / Л.А. Афанасьева // Актуальные проблемы чувашского языка и литературы: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 25-27 нояб. 2004 г. / отв. ред. И.С. Насипов. – Sterlitamak, 2004. – С.133-135.

8. Афанасьева, Л.А. История собирания и изучения похоронно-поминальной обрядности и фольклора чувашей Поволжья и Приуралья // Языки и литература тюркских народов: история и современность: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 24-26 окт. 2006 г. – Елабуга, 2006. – С. 112-115.

9. Афанасьева, Л.А. Ритуальные напитки в похоронно-поминальной обрядности приуральских чувашей / Л.А. Афанасьева // Занкиевские чтения: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. 6-7 апр. 2007 г. – Тобольск, 2007. – С. 211-213.

10. Афанасьева, Л.А. Чувашские причитания: реконструкция семантики обряда / Л.А. Афанасьева // Проблемы диалогизма словесного искусства: сб. материалов Всерос. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. 18-20 окт. 2007 г. / отв. ред. И.Е. Карпунин. – Sterlitamak, 2007. – С.84-86.

11. Афанасьева, Л.А. Терминология, связанная с названиями умершего «не своей смертью» в говорах приуральских чувашей / Л.А. Афанасьева // Филологическая наука конца XX начала – XXI вв.: проблемы, опыт исследования, перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию Заслуж. деятеля науки Респ. Татарстан и РФ, докт. филол. наук, проф. Л.Ш. Арсланова. – Елабуга, 2007. – С. 39-42.

12. Афанасьева, Л.А. Лексика, связанная с представлениями о потустороннем мире башкирских чувашей / Л.А. Афанасьева // Сулеймановские чтения: материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. «Проблемы сохранения этнического самосознания, языка и культу-

ры сибирских татар в XXI веке» (г.Тобольск, 16-17 мая 2008 г.). – Тобольск, 2008. – С. 134-135.

13. Афанасьева, Л.А. Мифологические персонажи и пантеон духов и божеств в похоронно-поминальном обряде чувашей / Л.А. Афанасьева // Вузовская наука: инновационные подходы и разработки: сб. науч. тр. профес.-преподават. состава Стерлитамак. гос. пед. акад. им. Зайнаб Биишевой / под общ. ред. А.Л. Галиева, отв. ред. Л.М. Линецкая. – Стерлитамак, 2008. – С. 60-64.

Подписано в печать 29.01.09. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 1,6. Уч.-изд. л. 1,1. Тираж 100 экз. Заказ №38.

Отпечатано в типографии
Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова
428015 Чебоксары, Московский просп., 15.

